

SCHOLA JURIDICUM: МЕТОДЫ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ

Толкование конституционных прав*

Алексей Должиков**

Применение конституционно закрепляемых прав и свобод человека и гражданина (*далее* – конституционные права) зачастую требует уточнения смысла их нормативного содержания и пределов их осуществления. Составляя прерогативу Конституционного Суда Российской Федерации, вопрос о толковании конституционных прав соединяет в себе многие базовые проблемы современного конституционализма. Настоящая работа имеет методологические цели. В первую очередь она адресуется тем, кто преподаёт и изучает общий курс конституционного права или специальные дисциплины, связанные с защитой конституционных прав в практике Конституционного Суда. Кроме того, она может быть интересна участникам конституционного судопроизводства. В первой части рассматриваются общие вопросы теории судебного толкования и их особенности применительно к конституционным правам. Вторая часть работы посвящена анализу классических способов толкования конституционных прав. Здесь особое внимание обращается на практику российского Конституционного Суда и некоторых зарубежных органов конституционного контроля, которая иллюстрирует четыре «канона» толкования конституционных прав.

DOI: 10.21128/1812-7126-2016-4-125-151

→ Юридическая методология; толкование Конституции; конституционные права; конституционное правосудие

1. Введение

Толкование конституционных прав составляет важнейший элемент юридической методологии. Например, в системе немецкого юридического образования часто вместо привычной для отечественного юриста схоластической теории государства и права преподаётся дисциплина «Учение о юридических методах» (от нем. – *Juristische Methodenlehre*)¹. Одна из центральных тем данной дисциплины по-

священа методам толкования права. В теории конституционных прав толкование также имеет методологический характер². Схожий подход обнаруживаем в американском конституционном праве, где одна из первых тем соответствующего учебного курса традиционно посвящена толкованию Конституции³. Некоторые представители российской теории права также предлагают видеть в толковании отдельное теоретико-методологическое направление юридической науки. Причём подчёркивается незначительное внимание отече-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00465.

** Должиков Алексей Вячеславович – доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук (e-mail: a.dolzhiikov@spbu.ru). Автор выражает признательность Ю. А. Рудт за подбор отдельных материалов для статьи, а также благодарность Е. А. Ефименко и А. В. Ильину за ценные замечания.

¹ См.: *Быдлински Ф.* Основные положения учения о юридическом методе // *Вестник гражданского права.* 2006. № 1. Т. 6. С. 190–241; 2006. № 2. Т. 6. С. 185–226; 2007. № 1. Т. 7. С. 240–271; *Kramer E. A.* *Juristi-*

sche Methodenlehre. 4. Aufl. München : Beck, 2013; *Reimer F.* *Juristische Methodenlehre.* Baden-Baden : Nomos, 2016; *Rüthers B.* *Rechtstheorie: mit juristischer Methodenlehre.* 8. Aufl. München : C. H. Beck, 2015.

² См.: *Herdegen M.* *Verfassungsinterpretation als methodische Disziplin* // *Juristenzeitung.* 2004. Bd. 59. H. 18. S. 873–879.

³ См.: *Chemerinsky E.* *Constitutional Law: Principles and Policies.* 3rd ed. New York : Aspen Publishers, 2006. P. 15–32; *Kommers D. P., Finn J. E., Jacobsohn G. J.* *American Constitutional Law: Essays, Cases and Comparative Notes.* 3rd ed. Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers, 2010. P. 31–55.

ственной юриспруденции к вопросам толкования права⁴.

В данном случае речь идёт не только об академической методике преподавания и обучения юриспруденции в образовательных учреждениях, но и о практических способах создания и применения правовых норм, в том числе технике защиты конституционных прав. В основе толкования конституционных прав лежат юридическая наука и образование, но в большей степени — практические навыки юриста. Успешное овладение отдельными методами такого толкования предоставляет инструментарий работы с текстом Основного закона и указывает на компетентность профессионального правоведа. В конечном счёте юридическая методология и толкование как её часть означают систему усвоенных юристом способов и приёмов решения правовых проблем и иных стоящих перед ним практических задач.

В соответствии с такими методологическими установками представлена фабула гипотетического спора о конституционных правах (далее — Фабула), на примере которой будут рассмотрены общие проблемы и отдельные методы толкования конституционных прав.

Дело о семейном иностранце. А. имеет гражданство Х., бывшего социалистического государства. В 1991 году А. бежал со своей родины в Россию во время вооружённого конфликта с соседним государством З., которое до 1995 года в этом конфликте поддерживалось российскими властями. В 1995 году между бывшими участниками конфликта при посредничестве России был заключён мирный договор. До настоящего времени А. живёт в городе Лукограде, одном из региональных центров Северо-Западного федерального округа со своей гражданской женой Б. и их двумя совместными детьми. А. работает шеф-редактором интернет-портала «Банктел». Кроме этого портала, в Лукограде издаётся и периодическое печатное издание «Банктел», которое является правопреемником газеты «Социалистический вектор». Администра-

ция Лукограда владеет 60 % акций ПАО «Банктел».

В 2015 году А. поехал вместе со своей гражданской женой и детьми на пикник в Святозарск, который в прошлом являлся закрытым военным городом. Вечером он был задержан полицейским патрулем и после проверки паспорта доставлен в суд. Суд в тот же день вынес решение об административном выдворении А. за нарушение режима пребывания. В обоснование своего решения судья ссылаясь на действующую статью 1 Закона от 12 января 1989 года «О государственных организациях печати», согласно которой «государственные организации печати обеспечивают опубликование официальных документов и актов партийных органов» (часть 1); «требования к работникам государственных организаций печати устанавливаются распоряжением Правительства» (часть 2); «участие иностранных граждан в деятельности государственных организаций печати запрещено и влечёт наказание в виде административного выдворения» (часть 3). Список стран, чьи граждане не могут заниматься определённой деятельностью, в том числе работать в государственных СМИ, был определён распоряжением Правительства Российской Федерации. Этот список направлен в посольство страны Х. и доступен всем желающим.

Иностранец А. обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение его конституционных прав. Решите дело.

2. Общая характеристика толкования конституционных прав и её особенности

2.1. Проблемы терминологии

В отечественном праве для обозначения процесса по уяснению смысла правовых норм обычно используются несколько терминов (герменевтика, интерпретация, толкование).

2.1.1. Герменевтика

В связи с этим в современном конституционном праве иногда употребляют философ-

⁴ См.: Петрушев В. А. Теория толкования права как составная часть общей теории права // Lex Russica. 2009. Т. LXVIII. № 2. С. 410—418.

скую концепцию герменевтики. Профессор И. А. Кравец предлагает понимать под конституционной герменевтикой «искусство и теорию истолкования норм конституции в процессе её реализации и осуществления различных функций органом конституционного правосудия или органом судебного надзора, а также философское и теоретико-правовое обоснование и выявление конституционного смысла и значения различных нормативно-правовых актов, попадающих в сферу деятельности конституционной юстиции»⁵. Предложенная дефиниция обладает оригинальностью, но требует уточнения, так как не раскрывает специфики герменевтики в конституционном праве. В противном случае она мало добавляет к содержанию устоявшихся понятий толкования и интерпретации.

Одновременно философское определение герменевтики может быть использовано для более глубокого понимания сущности толкования прав, закреплённых в конституционном тексте. Согласно классическому определению немецкого философа Ф. Шлейермахера, герменевтика выполняет двойную задачу: это, с одной стороны, «объективное» (грамматическое) истолкование документа, а с другой — психологическое «вживание» в текст, предполагающее интуитивное схватывание его смысла⁶. В последнем случае обращается внимание на иррациональные аспекты в истолковании конституционных прав и влияние на этот процесс психологических установок конкретного судьи. Иное понимание герменевтики усложняло бы терминологию в конституционном праве.

2.1.2. Интерпретация

Иногда в доктрине пытаются провести отличие толкования от интерпретации. Например, американский профессор Л. Б. Солам различает интерпретацию (от англ. — *interpretation*) и толкование (от англ. — *construction*). В первом случае речь идёт об уяснении лингвистического смысла (семантического содер-

жания) юридических текстов (интерпретация). Во втором — значение приобретает деятельность по переводу семантического содержания текста в правовую плоскость (толкование)⁷. Эту дихотомию автор выражает следующим образом: «Мы интерпретируем [*interpret*] смысл текста, а затем мы толкуем [*construct*] правовые нормы, чтобы помочь нам применить текст к конкретным фактическим обстоятельствам»⁸. Однако такое различие не является общепринятым даже в англоязычной доктрине. К примеру, в монографии известного британского юриста сэра Р. Кросса, посвящённой толкованию права, подчёркивается, что «нет никакого объяснения различия между интерпретацией и толкованием, и при этом такое различие не может быть выведено из вопросов, с которыми имеет дело каждое из понятий. Различие проводится в некоторых современных работах, но... ему недостает согласованного основания»⁹.

Аналогичным образом в российском конституционализме категории «толкование» и «интерпретация» чаще всего отождествляются. В практике Конституционного Суда РФ указанные категории используются как равнозначные. Например, в Определении от 8 июля 2014 года № 1562-О употребляется сразу несколько терминов: «конституционно-правовая интерпретация», «казуальная интерпретация положений Конституции», «толкование норм права», «истолкование оспариваемого законоположения», «толкование положений Конституции»¹⁰. Причём в данном Определении Конституционный Суд приводит рассматриваемые термины через союз «и», тем самым, видимо, различая их. В Постановлении от 8 ноября 2012 года № 25-П Консти-

⁵ Кравец И. А. Конституция и герменевтика: вопросы и теории // Правоведение. 2003. № 5. С. 38–49, 41.

⁶ См.: Малахов В. С. Герменевтика // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук; Гл. ред. В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. Т. 1. С. 512.

⁷ См.: *Solum L.B. The Interpretation-Construction Distinction // Constitutional Commentary*. 2010. Vol. 27. P. 95–118, 96.

⁸ *Solum L.B. Legal Theory Lexicon: Interpretation and Construction // Legal Theory Blog*. 2009. 8 February. URL: <http://lsolum.typepad.com/legaltheory/2009/02/legal-theory-lexicon-interpretation-and-construction.html> (дата обращения: 01.06.2016).

⁹ *Cross R. Statutory Interpretation*. London : Butterworth, 1976. P. 18.

¹⁰ Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision167803.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

туционный Суд, употребляя оба понятия в качестве синонимов, одновременно подчёркивает, что в случае признания неконституционности нормы «исключается любое иное, то есть неконституционное, её истолкование, а следовательно, и применение: с момента провозглашения либо со дня официального опубликования постановления Конституционного Суда Российской Федерации такая норма в неконституционной интерпретации, по сути, утрачивает силу»¹¹. В данном решении понятие толкования увязывается с процессом применения конституционно-правовых норм. Поэтому различие следует проводить не между терминами, а в самом конституционном судебном толковании закреплённых в Основном законе прав, выделив две стадии этого процесса (толкование в широком и узком смысле).

2.1.3. Толкование в широком смысле

На первой стадии происходит уяснение лингвистического смысла соответствующей конституционной нормы (то есть интерпретация или толкование в широком смысле). Причём толкование осуществляется абстрактно, поскольку смысл конституционно-правовой нормы уясняется изолированно и без привязки к обстоятельствам конкретного дела. К толкованию в широком смысле относится деятельность Конституционного Суда РФ не только в рамках абстрактного, но и конкретного нормоконтроля, когда вопрос реализации конституционных прав не связан с фактами дела.

2.1.4. Толкование в узком смысле

Вторая стадия толкования предполагает квалификацию правового смысла соответствующей нормы применительно к фактическим обстоятельствам дела, затрагивающим конституционные права конкретного заявителя (толкование в узком смысле). Здесь проводится соотнесение выявленного на предыдущей стадии языкового смысла конституционной нормы с конкретными фактами дела. Процесс такого соотнесения в зарубежном правоведении обычно называется *категори-*

*защией*¹², а в теории юридической аргументации — *субсумцией* (от лат. *sub-sum* — быть подчинённым)¹³. Эти категории во многом близки с используемым в отечественном правоведении понятием юридической квалификации¹⁴. В данном случае орган конституционного правосудия должен осмыслить частные обстоятельства дела с точки зрения общего понимания конституционной нормы, то есть проявить некую «чувствительность» к конкретным фактам и правоотношениям.

Дифференциацию толкования конституционного права собственности (статья 35 Конституции РФ) в широком и узком смысле демонстрирует дело, в котором возникла необходимость выяснения смысла категории «режим общей собственности супругов» применительно к налоговым отношениям (Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 года № 444-О)¹⁵. В деле оценивался вопрос о возможном нарушении конституционного права собственности заявительницы посредством взыскания с неё недоимки по налогу на доходы физических лиц от продажи доли акций умершего супруга. Большинство судей Конституционного Суда РФ в этом деле придерживались широкого толкования категории «режим совместной собственности супругов». Именно так используется это понятие в гражданском (семейном) законодательстве Российской Федерации¹⁶. Одновременно

¹² См.: *Blocher J.* Categoricalism and Balancing in First and Second Amendment Analysis // *New York University Law Review*. 2009. Vol. 84. No. 2. P. 375–439; *Ely J. H.* Flag Desecration: A Case Study in the Roles of Categorization and Balancing in First Amendment Analysis // *Harvard Law Review*. 1975. Vol. 88. No. 7. P. 1482–1508; *Sullivan K. M.* Post-liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing // *University of Colorado Law Review*. 1992. Vol. 63. P. 293–317.

¹³ См.: *Alexy R.* On Balancing and Subsumption: A Structural Comparison // *Ratio Juris*. Vol. 16. 2003. No. 4. P. 433–449; *Schauer F.* Balancing, Subsumption, and the Constraining Role of Legal Text // *Law and Ethics of Human Rights*. Vol. 4. 2010. No. 1. P. 34–45; *Stück H.* Subsumtion und Abwägung // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Bd. 84. H. 3. S. 405–419.

¹⁴ См.: *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 206–213.

¹⁵ СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 407.

¹⁶ См.: статья 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 года) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016. № 5. Ст. 559; статья 34

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2012. № 48. Ст. 6743.

судья Конституционного Суда Г. А. Гаджиев в своём особом мнении, по сути, дал узкое толкование понятия режима совместной собственности супругов с учётом фактических обстоятельств дела и применительно к налоговым правоотношениям по предоставлению налогового вычета. Судья согласился с официальной интерпретацией оспариваемой нормы законодателем, согласно которому «как только слова “в собственности налогоплательщика”, означающие лишь индивидуальную, частную собственность физического лица, будут интерпретироваться как охватывающие и собственность совместную, то есть супругов как сособственников, то будет иметь место расширительное истолкование, искажающее базовые правовые принципы, на которых покоится налогообложение доходов физических лиц, и недопустимое в тех случаях, когда законодатель точно установил пределы предоставляемой налоговой льготы. Такое истолкование будет означать, что супруги несут солидарную ответственность при выполнении налогового обязательства по уплате налога на доходы физических лиц, что искажает личный характер налогового обязательства». Тем самым толкование конституционных прав в узком смысле должно учитывать специфику правоотношений и фактических обстоятельств конкретного спора, рассматриваемого Конституционным Судом РФ. В целом же толкование следует считать родовой категорией применительно к уяснению смысла конституционных прав. В этом качестве оно используется в настоящей статье. Иные родственные понятия выступают лишь в качестве синонимов.

Фабула. Применительно к обстоятельствам Фабулы различие толкования в широком и узком смысле можно рассмотреть на примере понятия гражданского брака и его значения при решении вопроса о выдворении иностранного гражданина А. за пределы территории России. Соответственно, возможно широкое и узкое понимание брака и семьи. В широком смысле понятие брака, согласно российскому законодательству, предпо-

лагает наличие юридических последствий только для официально зарегистрированного в органах ЗАГСа брака. В узком смысле брак можно истолковать как фактическое сожительство мужчины и женщины, учитывая специфику выдворения как серьёзной меры административного принуждения. Такой фактический брак приобретает значение в силу угрозы ущемления конституционного права на неприкосновенность частной жизни (часть 1 статьи 23 Конституции РФ), включая фундаментальную ценность общения отца с детьми.

Поэтому при толковании понятия брака в случае угрозы административного выдворения иностранного гражданина следует исходить из обстоятельств дела, в том числе фактов наличия гражданской жены и внебрачных детей.

2.2. Необходимость и особенности толкования конституционных прав

Толкование Конституции России, согласно её статье 125 (части 5), прямо отнесено к компетенции Конституционного Суда РФ, хотя и по инициативе узкого круга государственных органов. Такое толкование, осуществляемое Конституционным Судом РФ в порядке абстрактного нормоконтроля, может касаться конституционных прав. Однако в настоящей работе предметом анализа стали случаи уяснения смысла этих прав органами конституционного правосудия в порядке конкретного нормоконтроля, то есть при обращении в Конституционный Суд РФ с конституционной жалобой. Такое толкование имеет собственную причинную обусловленность и особенности по сравнению с интерпретацией иных конституционных норм.

Общая необходимость толкования конституционных положений закреплена в статье 36 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 2-ФКЗ (с изм. от 14 декабря 2015 года) «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой основанием к рассмотрению дела данным органом выступает «обнаружившаяся неопределённость в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт... или обнаружившаяся неопределённость в понимании положе-

Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 года) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 77.

ний Конституции Российской Федерации»¹⁷. Именно с устранением неопределённости связывает Конституционный Суд РФ общее понятие и цель конституционного толкования. Согласно Определению от 5 ноября 1998 года № 134-О, цель толкования «заключается в том, чтобы, устранив неопределённость в понимании конституционных положений, обеспечить надлежащее их применение, соблюдение, исполнение и использование»¹⁸. Поэтому любое решение Конституционного Суда РФ по делам о защите конституционных прав должно начинаться с оценки неопределённости их нормативного содержания или неопределённости в понимании вмешательства органов публичной власти в данные права.

Одной из причин толкования конституционных прав является их абстрактность. Многие термины, определяющие принципы осуществления конституционных прав и их нормативное содержание, являются оценочными или двусмысленными, а потому требуют интерпретации. Среди таких терминов: «равенство» — статья 19, «жизнь» — статья 20, «достоинство» — статья 21, «свобода» — статья 22, «совесть» — статья 28 и др. Схожим образом случаи вмешательства в конституционные права со стороны органов публичной власти зачастую не имеют достаточной определённости для решения конкретных споров. Например, сложно провести различие между конституционно запрещённой цензурой (часть 5 статьи 29) и допустимыми формами вмешательства в свободу средств массовой информации. На практике иногда трудно разграничить законодательные и административные меры, устанавливаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке защиты и вторичного регулирования конституционно закрепляемых прав¹⁹.

В рамках судопроизводства по делам о предполагаемом нарушении конституцион-

ных прав особенности толкования ещё связаны с действием принципа состязательности, а значит, одинаково весомых аргументов заявителей и представителей государственных органов. Поэтому не должно смущать существование прямо противоположного толкования конституционных прав. Скорее, такая ситуация позволяет в итоге более глубоко уяснить сущность конституционных прав. Эту мысль удачно сформулировал Федеральный конституционный суд Германии в решении от 5 апреля 1990 года, согласно позиции которого «толкование, в особенности конституционного права, имеет характер дискурса, в котором не предлагаются даже в ходе методически безукоризненной работы абсолютно правильные, для компетентных лиц бесспорные утверждения, напротив, сначала выдвигаются одни доводы, затем предъявляются контраргументы и, наконец, лучшим доводам придаётся решающее значение»²⁰.

С точки зрения практики конституционного судопроизводства, выявление действительного намерения конституционного законодателя в отношении главы второй Основного закона, как, впрочем, и в целом объективной истины в конституционном процессе, представляется проблематичным. Реалистичнее выглядит ситуация, когда Конституционный Суд РФ оценивает представленные сторонами конкурирующие между собой интерпретации конституционных прав в конкретном споре.

Ещё одной причиной толкования конституционных прав является их повышенная стабильность. Наряду с основами конституционного строя (глава 1) конституционные права (глава 2) относятся к числу неизменных положений российского Основного закона. Изменить содержание какого-либо из этих прав можно, лишь пересмотрев саму Конституцию. Поэтому толкование конституционных прав тесным образом увязывается с вопросом о разграничении юрисдикции Конституционного Суда РФ и «политических» органов власти. Речь идёт о взаимодействии, а иногда даже конкуренции органа конституционного правосудия с парламентом и органами исполнительной власти, которые обладают изначальной компетенцией по законодательной

¹⁷ СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

¹⁸ СЗ РФ. 1998. № 46. Ст. 5701.

¹⁹ См.: *Бочило А.Е.* Соотношение категорий «регулирование» и «защита» прав и свобод личности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (концептуальные основы) // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 34–41.

²⁰ *Beschluß des Ersten Senats vom 5. April 1990. 2 BvR 413/88 // Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts [BVerfGE]. 1990. Bd. 82. S. 30.*

и подзаконной конкретизации содержания конституционных прав. Например, профессор М. А. Краснов в своей недавней статье выдвигает тезис о том, что за необходимостью толкования конституционных норм органом конституционной юстиции скрывается их фактическое изменение и дополнение. При этом автор критически относится к самой компетенции Конституционного Суда по толкованию Основного закона в переходный период, полагая, что «этот орган либо будет “подыгрывать” одному из политических институтов публичной власти, либо падёт жертвой институтов, в руках которых законодательное регулирование формирования и компетенции органа конституционной юстиции»²¹. Поэтому при толковании конституционных прав, по крайней мере, нельзя исключать возможных конфликтных ситуаций с законодателем и иными органами власти. Причём законодатель выступает первичным субъектом в наполнении нормативным содержанием конституционных прав. Это выражается в известной презумпции конституционности законов: «Высшая судебная инстанция при толковании и интерпретации норм права обязана руководствоваться действующим законодательством, выявляя его адекватный смысл, и не вправе вторгаться в компетенцию законодателя, изменяя содержание толкуемых правовых норм или создавая новые» (Определение от 8 июля 2014 года № 1562-О)²². Действительно, в ситуации отступления от буквы Основного закона под видом толкования любой орган конституционного правосудия серьёзно рискует легитимностью собственных решений. Однако концепция судебной уважения (от англ. — *judicial deference*) законодателя и административных органов при толковании конституционных прав является признаком не только переходных государств, но и развитых демократий²³. Такая концепция примени-

тельно к толкованию конституционных прав может выражаться в терпимости органа конституционного правосудия к определённой доле правотворческих ошибок. Например, в Постановлении от 28 марта 2000 года № 5-П Конституционный Суд РФ указал, что «некоторая неточность юридико-технического характера, допущенная законодателем при формулировании рассматриваемого положения хотя и затрудняет уяснение его действительного смысла, однако не даёт оснований для вывода о том, что оно является неопределённым, расплывчатым, не содержащим чётких стандартов и, следовательно, не отвечающим принципам налогового законодательства в правовом государстве, как они закреплены в Конституции Российской Федерации»²⁴.

Предметом толкования в делах о защите конституционных прав часто выступают не только нормы самой Конституции, но их конкретизация в федеральных законах и иных нормативных правовых актах. В этом отношении обычно говорят об использовании метода выявления «конституционно-правового смысла»²⁵ отраслевого законодательства и соответствующих субъективных прав. Раскрывая значение данного метода, Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что выявленный в его конкретном решении конституционно-правовой смысл нормы отраслевого законодательства является общеобязательным и исключает любое иное её истолкование в правоприменительной практике, а правоприменительные решения по делам заявителей, основанные на таких отраслевых нормах, в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий (Определение от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р)²⁶. Выявленный «стражем» отечественного Основного закона конституционно-правовой смысл отраслевого законодательства является окончательным. Это не исключает неприятия иными российскими судами конституционного истолкования субъективных отраслевых прав. Также отсутст-

²¹ См.: Краснов М. Толкования Конституции как её фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 77–91, 79.

²² Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision167803.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

²³ См.: Edwards R. A. Judicial Deference under the Human Rights Act // The Modern Law Review. Vol. 65. 2002. No. 6. P. 859–882; Scalia A. Judicial Deference to Administrative Interpretations of Law // Duke Law Journal. Vol. 1989. 1989. No. 3. P. 511–521.

²⁴ СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1533.

²⁵ См.: Таева Н. Е. Некоторые проблемы выявления конституционно-правового смысла норм Конституционным Судом РФ // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 24–28.

²⁶ СЗ РФ. 2008. № 48. Ст. 5722.

вуют иные внутригосударственные средства правовой защиты у заявителя, оспаривающего вариант интерпретации Конституционным Судом РФ соответствующих законодательных норм. Поэтому требуется более взвешенное толкование конституционных прав, которое бы согласовывалось со смыслом отраслевых и международно признанных прав.

Следует отметить, что в отличие от интерпретаций обычного законодательства толкование Конституционным Судом РФ норм Основного закона о конституционных правах имеет всеобщий характер. Даже при толковании конституционных прав по конкретным делам выявленный конституционно-правовой смысл приобретает общее значение для значительного числа граждан и их объединений. Добиваясь в результате толкования защиты собственного конституционного права, заявитель одновременно фактически обеспечивает выполнение функции защиты норм российской Конституции в целом.

Фабула. Причины и особенности толкования конституционных прав можно проиллюстрировать на примере фактов Фабулы. Так, необходимость толкования конституционного права на неприкосновенность частной жизни обусловлена его абстрактностью. Конституция РФ не содержит указания о значении фактических брачных отношений в случае угрозы административного выдворения иностранца. Расширение понятия брака за счёт включения фактического сожительства приводит к созданию нового правового регулирования. Использование сторонами широкого и узкого толкования брака в конечном счёте обуславливает необходимость взвешивания Конституционным Судом РФ, с одной стороны, значимости публичных интересов, которые отстаивают государственные органы, с другой стороны, важности конституционно признаваемых прав заявителей. С методической точки зрения, для решения задачи нужно понимать особенности толкования Конституционным Судом РФ. Не отрицая презумпцию конституционности законов, устанавливающих вмешательство в конкретное конституционное право, важно сохранять критическое отношение к законодательному регулированию.

В случае положительного решения по жалобе заявителя А. можно увидеть его всеобщий эффект. Защита частных интересов отдельного иностранца, касающихся его семейной жизни, опосредованно способствует выработке конституционных принципов разрешения аналогичных дел, связанных с защитой права на частную жизнь семейного иностранного гражданина при угрозе его административного выдворения.

Основываясь на общей характеристике, можно более подробно рассмотреть систему классических методов толкования конституционных прав.

3. Система классических методов толкования

Для уяснения смысла конституционных прав могут быть использованы четыре классических метода толкования (грамматический, исторический, системный и телеологический). На них зачастую прямо ориентируются правопорядки ряда государств. В Германии основоположником этих методов толкования считают Ф. К. фон Савиньи²⁷. Все четыре метода нашли выражение в практике Федерального конституционного суда Германии, который в решении от 17 мая 1960 года охарактеризовал рассматриваемый квартет следующим образом: «толкование из буквального значения нормы (грамматическое толкование), из её связи (систематическое толкование), из её цели (телеологическое толкование) и из материалов к закону или истории принятия (историческое толкование)»²⁸. Одновременно в государственно-правовой доктрине Германии высказываются достаточно убедительные аргументы о необходимости дополнения классического квартета новыми способами толкования. Например, профессор П. Хеберле предлагает считать компаративный анализ

²⁷ См.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. С. 391. В работе Ф. К. фон Савиньи называются только три способа из классического квартета, а вместо телеологического рассматривается логический способ толкования.

²⁸ Beschluß des Zweiten Senats vom 17. Mai 1960. 2 BvL 11/59, 11/60 [Nachkonstitutioneller Bestätigungswille] // Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts. 1960. Bd. 11. S. 130.

пятым методом толкования конституционных прав²⁹.

Отдельные способы толкования из рассматриваемого классического квартета распространены в странах общего права. Например, на основании Акта о толковании от 20 июля 1978 года³⁰ британскими судами было выработано несколько методов интерпретации, характерных для стран общего права в целом. Среди них выделяют *буквальное правило* (The Literal Rule), соответствующее грамматическому толкованию; *правило «устранения зла»* (Mischief Rule), которое предполагает выяснение законодателем исторического замысла по устранению негативных социальных практик; а также охватывающее телеологическое и системное толкование *золотое правило* (The Golden Rule)³¹.

Набор методов толкования, используемых в национальном праве, был кодифицирован в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года³². Согласно статье 31, международные договоры по общему правилу должны толковаться в соответствии с обычным значением терминов (грамматическое толкование), в их контексте (системное толкование), а также в свете объекта и целей договора (телеологическое толкование). В качестве дополнительных средств толкования статья 32 допускает обращение к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора (историческое толкование). По мнению Международного Суда ООН, выраженные в этих двух статьях принципы «могут во многих отношениях рассматриваться в качестве кодификации существующих обычных норм международного права»³³. С этой точки зрения, четы-

ре рассматриваемых метода отражают всеобщую практику государств применительно к толкованию норм международного права. Большинство классических способов толкования в несколько изменённом виде можно обнаружить в практике межгосударственных органов по защите прав человека, например Европейского Суда по правам человека³⁴.

Похожие подходы к перечню способов толкования встречаются в отечественном правоведении³⁵. В современном российском конституционализме указанные четыре способа толкования также признаются в качестве классических. В науке иногда выделяется их большее число, но практическое значение имеет всё же рассматриваемый квартет. Показательны в этом отношении позиции судьи Конституционного Суда РФ в отставке Б. С. Эбзеева, который, с одной стороны, выделяет пять методов: систематическое, филологическое, историко-политическое, логическое и телеологическое толкование. С другой стороны, рассматривая ряд «сложных» конституционных дел, конституционалист подчёркивает, что «толкование Конституции и её норм требует в каждом конкретном случае тщательного учёта дословного текста толкуемого положения, историю его возникновения, место в системе Конституции, его смысл и цель»³⁶. Тем самым уже акцентируется внимание не на пяти, а на четырёх классических способах, исключая логическое толкование.

Причина исключения в настоящей работе логического толкования из классического набора состоит в его частичном совпадении с грамматическим или системным методами.

gal). Judgment of 12 November 1991 (Merits) // International Court of Justice Reports. 1991. P. 69–70. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/82/6863.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

²⁹ См.: Häberle P. Grundrechtsgeltung und Grundrechtsinterpretation im Verfassungsstaat: zugleich zur Rechtsvergleichung als «fünfter» Auslegungsmethode // Juristenzeitung. 1989. Bd. 44. H. 20. S. 913–919.

³⁰ Сайт Национального Архива Соединённого Королевства. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/30/pdfs/ukpga_19780030_en.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

³¹ См.: Harris Ph. An Introduction to Law. 7th ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 212.

³² Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³³ International Court of Justice. Case concerning the Arbitral Award of 31 July 1989 (*Guinea-Bissau v. Sene-*

³⁴ См.: Ost F. The original canons of interpretation of the European Court of Human Rights // The European Convention for the Protection of Human Rights: International Protection versus National Restrictions / ed. by M. Delmas-Marty. Dordrecht; Boston: M. Nijhoff, 1992. P. 283–318.

³⁵ Подробный обзор подходов к системе способов толкования права в дореволюционной и советской юриспруденции см.: Таева Н.Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. С. 123–130.

³⁶ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 46.

Кроме того, сам процесс правоприменения, с точки зрения формальной логики, представляет собой дедуктивное умозаключение, где бóльшей посылкой выступает норма как общее правило, меньшей посылкой — фактические обстоятельства, а заключением — решенные дела. В соответствии с такой логической структурой должны использоваться все из рассматриваемых методов толкования. Поэтому отдельно в настоящей работе логическое толкование не выделяется.

Нормативное закрепление отдельных способов толкования можно обнаружить в статье 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой при принятии решения по делу оценивается «как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов». Данная норма непосредственно указывает на грамматическое («буквальный смысл рассматриваемого акта») и системное толкование («исходя из его места в системе правовых актов»). Оставшиеся методы (историческое и телеологическое толкование) получают лишь косвенное правовое основание. В своих решениях Конституционный Суд РФ³⁷ и его судьи в своих особых мнениях³⁸ чаще всего называют следующие «известные» (традиционные) методы толкования: грамматический (лингвистический), исторический (историко-политический), систематический (системный), логический, телеологический. Например, судья Конституционного Суда РФ В. И. Олейник в своём мнении по мотивировке Постановления от 23 марта 1995 года № 1-П пишет: «Прежде всего в исследовательской части необходимо было, опираясь на

выработанные наукой и практикой правила толкования правовых норм, указать на... приёмы и способы толкования и их результаты, а именно: 1. Систематический. Т. е., что суд уяснял смысл... [отдельных статей] Конституции путём сравнения их с другими статьями глав Основного закона Российской Федерации, выявления их связи с другими нормами Конституции. 2. Логический. Путём использования средств формальной и диалектической логики для установления внутренних связей толкуемых норм с другими нормами Конституции, логической структуры её правовых предписаний. 3. Историко-политический. Для выяснения смысла толкуемых норм через: а) исторические условия создания Конституции и социально-политические цели, которые преследовал законодатель, принимая Конституцию. Т. е. через обращение к условиям и истокам принятия Конституции и обращение этого смысла в языковой форме изложения толкуемых статей. Суд должен был и мог использовать в этих целях стенограммы заседаний Конституционного совещания, мнения авторов — разработчиков... [отдельных статей] Конституции Российской Федерации. 4. Языковой способ толкования. Т. е. выяснение смысла нормы путём грамматического анализа текста»³⁹. В данном мнении телеологический метод рассматривается как часть исторического толкования, а логическое толкование фактически сводится к системной интерпретации.

В соответствии с представленными нормативными и доктринальными подходами можно обнаружить определённую последовательность в использовании методов толкования конституционных прав. Соблюдение такой последовательности придаёт предсказуемый характер судебной защите конституционных прав. На практике последовательность использования отдельных методов толкования не всегда наблюдается в деятельности органов конституционного правосудия. Конкретные судьи достаточно свободны в выборе имеющихся способов толкования нормативного содержания конституционных прав, подчас они изобретают новые или модифицируют имеющиеся каноны. Кроме того, рассматриваемые каноны взаимодополняют друг друга. На этот момент обращает внимание судья

³⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 года № 249-О // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 374; Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 года № 444-О // СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 407.

³⁸ См.: Определение от 3 декабря 2010 года № 149-О-О (Особое мнение судьи Г. А. Гаджиева) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDDecision88809.pdf> (дата обращения: 01.06.2016); Постановление от 11 декабря 1998 года № 28-П (Особое мнение судьи В. И. Олейника) // СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

³⁹ СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 1207.

Конституционного Суда Г. А. Гаджиев в своём особом мнении: «Все способы толкования для устранения неясности должны применяться в совокупности, что не исключает случаев, когда правоприменительный орган отдаёт предпочтение одному из них. Для устранения неясностей... правоприменительные органы могут прибегнуть к таким способам (методам) толкования, как буквальное толкование, телеологическое толкование, системно-логическое толкование и т. д.» (Определение от 2 ноября 2006 года № 444-О)⁴⁰. Поэтому выбор одного метода не исключает использование органами конституционного правосудия иных способов толкования.

Далее подробно рассматриваются способы толкования при защите конституционных прав в практике органов конституционного правосудия и на примере предложенной Фабулы.

3.1. Грамматическое толкование конституционных прав

Грамматическое толкование можно назвать исходным в выяснении истинного смысла конституционных прав. Известная латинская максима (*a verbis legis non est recedendum*) запрещает отступления от буквального смысла слов Основного закона, определяющих конституционные права⁴¹. Рассматриваемый способ толкования не предусматривает уяснение смысла конституционного текста только посредством правил грамматики (об основных частях речи, членах предложения, падежах и др.), он ещё предполагает возможность обращения к этимологии (происхождению слов), семантике (смысловому значению) и другим разделам языкознания. Слова, используемые для определения конституционных прав, должны пониматься преимущественно в обычном своём смысле. Их понимание должно быть доступно рядовому гражданину, поскольку носителем конституционных прав является любой индивид.

В грамматическом толковании отправной точкой будет буквальный смысл соответствующих предписаний Конституции РФ, закрепляющих конституционные права. Поэтому

рассматриваемый метод обозначают как правило буквального смысла (от англ. — plain meaning⁴²). Данное правило было достаточно удачно сформулировано в решении Верховного суда США от 2 января 1929 года: «Когда язык нормы ясен и толкование в соответствии с его терминами не ведёт к абсурдному результату или невозможным последствиям, используемые слова должны восприниматься в качестве окончательного выражения планируемого замысла»⁴³. Поэтому буквальное (грамматическое) толкование следует считать основным методом, используемым органами конституционного правосудия для уяснения смысла конституционных прав.

Одновременно этот вывод не отрицает использование иных методов толкования. В частности, такую позицию выразил Федеральный конституционный суд Германии, который определяет грамматическое толкование в качестве базового метода, а иные способы считает субсидиарными. В решении от 19 июня 1973 года подчёркивается необходимость одновременного и параллельного использования системного и телеологического методов толкования, которые «находятся к грамматическому толкованию в отношении взаимного дополнения»⁴⁴.

Примером одновременного использования буквального и телеологического толкования выступает решение отечественного органа конституционного правосудия по делу *Маслова*: «По буквальному смыслу положений, закреплённых в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами

⁴² См.: *Murphy A. W.* Old Maxims Never Die: The “Plain-Meaning Rule” and Statutory Interpretation in the “Modern” Federal Courts // *Columbia Law Review*. Vol. 75. 1975. No. 7. P. 1299—1317.

⁴³ Decision of United States Supreme Court from January 2, 1929 “United States v. Missouri Pacific Railroad Company” // *United States Supreme Court Reports*. 1929. Vol. 278. P. 278. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/278/269/> (дата обращения: 01.06.2016).

⁴⁴ Beschluß des Ersten Senats vom 19. Juni 1973, 1 BvL 39/69 [Behördliches Beschwerderecht] // *Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts [BVerfGE]*. 1973. Bd. 35. S. 279.

⁴⁰ СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 407.

⁴¹ См.: Латинская юридическая фразеология / сост. Б. С. Никифоров. М.: Юрид. лит., 1979. С. 25.

власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, — удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» (Постановление от 27 июня 2000 года № 11-П)⁴⁵. В данном случае под видом буквального толкования Конституционный Суд РФ учитывает цель конституционных гарантий в уголовном процессе, когда без квалифицированной юридической помощи у лица, формально обладающего лишь статусом свидетеля, впоследствии могут быть серьёзно нарушены конституционные процессуальные права.

Совместное использование грамматического толкования с иными методами можно обнаружить в понимании гражданства Российской Федерации как одной из важнейших предпосылок осуществления конституционных прав. В Конституции Российской Федерации данное понятие встречается в нескольких смыслах⁴⁶. С одной стороны, статья 6 использует категорию «гражданство Российской Федерации» (часть 1), с другой стороны, часть 1 статьи 71 к исключительному ведению федеральных органов власти относит уже категорию «гражданство в Российской Федерации». Такая неопределённость понятия гражданства не может быть устранена без дополнительного использования исторического и системного толкования. В историческом плане гражданство в Российской Федерации включало гражданство Российской Федерации и республиканское гражданство. Так, согласно части 2 статьи 2 Закона РФ от 28 ноября 1991 года № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» граждане, постоянно проживающие на территории республики в составе Российской Федерации, являлись одновременно гражданами этой республики⁴⁷.

Однако уже Конституция РФ и ныне действующий Федеральный закон от 31 мая

2002 года № 62-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014 года) «О гражданстве Российской Федерации»⁴⁸ институт республиканского (регионального) гражданства не предусматривают. Конституционный Суд РФ в Определении от 6 декабря 2001 года № 250-О, предложив два варианта толкования вопроса о сохранении республиканского гражданства, отказался дать окончательный ответ на него со ссылкой на процессуальное основание⁴⁹. Отсюда сохраняющаяся разница в понимании гражданства в первой и третьей главах Конституции РФ в их системном единстве не может исключать в дальнейшем появления в законодательстве института регионального гражданства⁵⁰ при условии соблюдения принципов верховенства федерального законодательства и равноправия граждан вне зависимости от места жительства.

Конституционный Суд РФ в своей практике не всегда строго придерживается буквального толкования конституционных прав. Например, Основной закон неоднозначно сформулировал вид нормативного правового акта, которым должны вводиться ограничения конституционных прав. С одной стороны, общая норма содержит отсылку к федеральному закону (часть 3 статьи 55), аналогичным образом многие отдельные конституционные права текстуально определяют в качестве источника ограничения федеральный закон (право на жизнь — часть 2 статьи 20; неприкосновенность жилища — статья 25; свобода информации — часть 4 статьи 29; право частной собственности на землю — часть 3 статьи 36; воинская обязанность — часть 2 статьи 59; альтернативная гражданская служба — часть 3 статьи 59; двойное гражданство — часть 1 статьи 62; равноправие иностранных граждан — часть 1 и часть 3 статьи 62; право на убежище — часть 2 статьи 63). С другой стороны, ограничение нескольких конституционных прав связывается просто с законом, без конкретизации его вида (право на информацию о частной жизни — часть 2 статьи 24; свобода экономической деятельности —

⁴⁵ СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

⁴⁶ См.: *Авакьян С. А.* Конституционное право России: учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп.: в 2 т. М.: Юристъ, 2007. Т. 1. С. 520–524.

⁴⁷ Российская газета. 1992. 6 февраля.

⁴⁸ СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031; 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 60.

⁴⁹ Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32060.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

⁵⁰ См.: *Kochenov D.* Regional Citizenships and EU Law: The Case of the Åland Islands and New Caledonia // *European Law Review*. Vol. 35. 2010. No. 3. P. 307–324.

часть 1 статьи 34; право частной собственности — часть 1 статьи 35; обязанность платить налоги и сборы — статья 57). Грамматическое толкование таких норм должно было бы означать, что ограничения конституционных прав могут устанавливаться не только в федеральных законах, но и в конституциях, уставах (основных законах) и законах субъектов Российской Федерации. Вместе с тем Конституционный Суд РФ, например при толковании понятия закона в части 1 статьи 35 Конституции России, категоричен и подчёркивает, что «только в форме федерального закона может быть, в принципе, найден баланс между правами и законными интересами лиц, состоящих в имущественных отношениях с государством в качестве кредиторов, и всех иных лиц» (Определение от 21 декабря 2000 года № 261-О)⁵¹. Такой подход Конституционного Суда имеет несколько объяснений, но основным можно считать необходимость системного толкования данного понятия во взаимосвязи с положениями статьи 71, которая относит «регулирование» конституционных прав (пункт «в») и ряда отраслей российского права, включая гражданское законодательство (пункт «о»), к исключительному ведению Российской Федерации. Следовательно, наряду с грамматическим толкованием конституционных прав может потребоваться использование Конституционным Судом РФ иных методов.

Грамматическое толкование обычно ассоциируется с позитивистской и консервативной правовой идеологией. Такие идеологические установки имеют важные достоинства, поскольку в процессе толкования нормативное содержание конституционных прав сохраняется неизменным и имеет прочные формально-юридические основания. Примером рассматриваемых установок служит буквальное толкование Конституционным Судом части 3 статьи 32 Конституции. Согласно Постановлению от 19 апреля 2016 года № 12-П, содержащаяся в этой норме «формулировка “не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда” с лингвистической (грамматической) точки зрения пред-

ставляет собой императивный запрет, со всей определённостью означающий, что избирательных прав не имеют без каких бы то ни было изъятий все осуждённые, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Попытки истолковать соответствующее положение статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации как позволяющее федеральному законодателю ограничить избирательные права не всех осуждённых... не согласуются с указанным конституционным императивом»⁵². При всей спорности такого императивного толкования конституционных избирательных прав нельзя не увидеть стремления органа конституционного правосудия сохранить изначальный текст Основного закона.

С точки зрения правовой идеологии, возможно и противоположное применение буквального толкования. Интересный пример использования данного метода применительно к той же норме об ограничении избирательных прав недееспособных и заключённых (часть 3 статья 32) содержится в Особом мнении судьи А. Л. Кононова к Определению Конституционного Суда от 4 декабря 2007 года № 797-О-О. Судья утверждает, что «никаких иных ограничений активного и пассивного избирательных прав данная специальная норма Конституции Российской Федерации не содержит и сама её конструкция не допускает. Этот перечень, несомненно, носит исчерпывающий характер. В отличие от ряда других статей Конституции Российской Федерации (например, 25, 29, 34, 35, 36 и др.), регулирующих права и свободы, данная норма не содержит ссылок на федеральный закон, который мог бы устанавливать иные не перечисленные в части 3 статьи 32 ограничения избирательных прав, и это, очевидно, не случайно. Такая конструкция нормы, следовательно, не допускает в регулировании избирательных прав применения общих положений части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации о возможности их ограничения федеральным законом»⁵³. В данном случае можно увидеть пример абсолютизации текстуального толкования нормы, устанавливающей отдельные ограничения конституционных прав. Причём в этом примере текстуальное толкование используется не

⁵¹ Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrfl.ru/decision/KSRFDecision32819.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

⁵² СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

⁵³ СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533.

представителем консервативной идеологии, а «либеральным» судьёй Конституционного Суда РФ, который известен многочисленными особыми мнениями.

В целом текстуализм отрицает необходимость учёта внеюридических факторов при толковании конституционных прав. В этом смысле он противостоит междисциплинарному подходу в юриспруденции и его отдельным разновидностям (экономический анализ права, критические юридические исследования, социологическая юриспруденция и др.). Конституционный Суд России редко использует междисциплинарный подход в толковании конституционных прав. Хотя имеются единичные случаи, когда он акцентировал внимание на значении социальных последствий в случае законодательного ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (Постановление от 16 июля 2015 года № 23-П⁵⁴, Определение от 15 мая 2002 года № 164-О⁵⁵); свободы совести (Определение от 9 апреля 2002 года № 113-О⁵⁶); права на жилище (Постановление от 15 июня 2006 года № 6-П)⁵⁷, права на пенсионное обеспечение (Постановление от 14 января 2016 года № 1-П⁵⁸).

Оценка Конституционным Судом социальных последствий имеет значение для порядка исполнения его решений в случае выявления законодательного пробела в результате толкования конкретного конституционного права. Так, в Постановлении от 13 июня 1996 года № 14-П подчёркивается, что «в связи с реальными перспективами нового законодательного регулирования, признавая возможность непосредственного применения положений статьи 46 Конституции Российской Федерации о праве на судебное обжалование любых нарушений прав и свобод, включая необоснованность ареста, а также имея в виду, что пробельность в урегулировании института содержания под стражей, возникающая в результате признания оспариваемой нормы неконституционной, может иметь определённые отрицательные социальные по-

следствия, Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым использовать процедуру отсрочки исполнения решения по настоящему делу, с тем чтобы законодатель в надлежащий срок принял меры, обеспечивающие баланс интересов правосудия и прав граждан на свободу и личную неприкосновенность»⁵⁹. Следовательно, орган конституционного правосудия не находит в позитивистском «вакууме». Он должен учитывать наряду с законодательными установлениями, которые конкретизировали содержание конституционных прав, их более широкий внеюридический смысл в современном обществе. Случаи учёта органом конституционного правосудия социальных и иных неправовых факторов по аналогии с одним из методов научного познания можно назвать междисциплинарным толкованием.

Явное расхождение буквально понимаемого содержания конституционных прав с изменяющимися историческими условиями осознают даже крайние позитивисты. Например, убеждённый сторонник текстуализма, судья Верховного суда США А. Скалиа использовал сугубо формально-логический способ толкования, получивший наименование *in pari materia* (от лат. — в отношении того же предмета), для модернизации буквального смысла конституционного права на оружие. В своём мнении по делу *Округ Колумбия и др. против Геллера [Heller]* (решение от 26 июня 2008 года) судья подчеркнул: «В деле был представлен аргумент, что только те виды оружия, которые существовали в XVIII веке, защищаются Второй поправкой. Мы не толкуем конституционные права в этом направлении. Так, Первая поправка защищает современные способы коммуникации, например дело *Рено против Союза Американских гражданских свобод* (1997), а Четвёртая поправка защищает современные способы обыска, например дело *Колло против Соединённых Штатов Америки* (2001), по аналогии *prima facie* Вторая поправка должна распространяться на те виды оружия, которые не существовали на момент её принятия»⁶⁰. В этом деле, оставаясь в рамках тек-

⁵⁴ СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4660.

⁵⁵ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 1.

⁵⁶ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 6.

⁵⁷ СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2876.

⁵⁸ СЗ РФ. 2016. № 4. Ст. 551.

⁵⁹ СЗ РФ. 1996. № 26. Ст. 3185.

⁶⁰ Decision of United States Supreme Court from June 26, 2008 *District of Columbia et al. v. Heller* // United States Supreme Court Reports. 2008. Vol. 554. P. 570.

стуального подхода, судья А. Скалиа использовал приём толкования по аналогии для расширения смысла понятия оружия за счёт включения современных средств самозащиты. Данный пример обращает внимание на историческое толкование конституционных прав.

Фабула. Недостатки грамматического толкования можно показать на примере Фабулы. Прежде всего, нужно подчеркнуть, что понятие брака и семьи текстуально не входит в нормативное содержание конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Конституция РФ в части 1 статьи 23 упомянула лишь о семейной тайне. Данное обстоятельство может потребовать отнесения права на фактический брак к неписаным конституционным правам, что явно расходится с представлениями позитивистской правовой идеологии. Буквальный смысл понятия периодического печатного издания, использованного в Законе 1991 года, также не может быть распространён на интернет-издания. Выходом в рамках сугубо текстуального подхода будет использование законодательства об электронных средствах массовой информации по аналогии.

3.2. Историческое толкование конституционных прав

Историческое толкование конституционных прав позволяет лучше уяснить замысел разработчиков российского Основного закона в момент его принятия (*оригинализм*) и учесть последующие изменения, происходящие в современном российском обществе (*эволюционное толкование*). Такому двоякому значению рассматриваемого приёма судебной юридической техники соответствует латинская максима о том, что «наилучшее толкование проистекает из того, что предшествует, и из того, что следует» (*ex antecedentibus et consequentibus fit optima interpretatio*)⁶¹. Поэтому Конституционный Суд РФ в случае неопределённости содержания конституцион-

ных прав может выяснять предшествующую и последующую конституционную практику в соответствующей сфере.

3.2.1. Оригиналистское толкование

Данная разновидность исторического толкования состоит в изучении общих социально-политических условий принятия Конституции РФ, а конкретно — оригинального смысла, который придавали участники разработки нормам о конституционных правах. Такой подход к конституционному толкованию в американской юриспруденции получил наименование оригинализма (от англ. — *originalism*)⁶². Данный аспект исторического толкования выражен в максиме римского права о том, что «толкование закона в соответствии с его смыслом в момент издания считается в праве наилучшим и самым авторитетным» (*contemporanea expositio est optima et fortissima in lege*)⁶³.

Историческое толкование в его оригиналистском значении, с точки зрения доказательств в конституционном судопроизводстве, может заключаться в исследовании материалов, связанных с подготовкой основных проектов главы второй действующей Конституции РФ. Например, при толковании конституционного права на юридическую помощь в уголовном процессе на такие материалы ссылался судья Конституционного Суда Э. М. Аметистов в особом мнении к Постановлению от 28 января 1997 года № 2-П: «Подлинные намерения авторов ныне действующей Конституции Российской Федерации можно уяснить из материалов Конституционного Совещания 1993 года, на котором разрабатывался и обсуждался её проект. В ходе Конституционного Совещания неоднократно предпринимались попытки внести в про-

URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/554/570/> (дата обращения: 01.06.2016).

⁶¹ См.: Латинская юридическая фразеология. С. 75.

⁶² См.: Берлявский Л. Г. Оригиналистская и ноноригиналистская концепции конституционной интерпретации в США // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 101–108; Голдобина З. Г. Активизм и оригинализм в деятельности Верховного суда и политико-правовой доктрине США // Российский юридический журнал. 2006. № 3. С. 81–88; Nelson C. Originalism and Interpretive Conventions // The University of Chicago Law Review. Vol. 70. 2003. No. 2. P. 519–598; Scalia A. Originalism: The Lesser Evil // University of Cincinnati Law Review. Vol. 57. 1988. No. 3. P. 849–866.

⁶³ См.: Латинская юридическая фразеология. С. 42.

ект нынешней статьи 48 поправки, имевшие целью ограничить круг лиц, оказывающих юридическую помощь, только членами коллегии адвокатов. Все эти поправки были отклонены в связи с тем, что их принятие, как указывалось на Совещании, привело бы к созданию “закрытых профсоюзов” для адвокатов, лишающих практики тех, кто не вступил в коллегию, и создающих “монопольное право” адвокатов оказывать юридическую помощь. При этом подчёркивалось, что допуск на стадии предварительного следствия только представителей коллегии адвокатов существенно ущемляет права граждан и что, напротив, представленный проект обсуждаемой статьи (позволявший допускать на этой стадии участие других лиц) отвечает принципу свободного выбора защитника⁶⁴. Такой исторический материал позволил судье прийти к выводу о том, что используемое в части 2 статьи 48 Конституции РФ понятие адвоката (защитник) включает и частнопрактикующих юристов. Несмотря на достаточно убедительные исторические свидетельства, большинство судей оставили вопрос о критериях оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе на усмотрение законодателя. Воспользовавшись предоставленной прерогативой, разработчики действующего уголовного процессуального закона при конкретизации права на квалифицированную юридическую помощь фактически отошли от исторического замысла конституционного законодателя, допустив к оказанию юридической помощи в уголовном судопроизводстве исключительно лицами со статусом адвоката. Более того, не исключено установление адвокатской монополии в иных видах судопроизводства с учётом конкретных социально-исторических реалий в современной России⁶⁵. В целом в решениях Конституционного Суда РФ ссылки на материалы Конституционного совещания являются довольно редкими.

Намного чаще в конституционной судебной практике анализируется процедурная история принятых законов (пояснительные записки, финансово-экономическое обосно-

вание законопроекта, материалы парламентских слушаний, протоколы заседаний парламентских комитетов (комиссий) и т. п.). Так, оценивая конституционность статьи 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ (с изм. от 30 декабря 2004 года № 217-ФЗ) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»⁶⁶, которая установила дополнительную гарантию конституционного права собственности для добросовестных приобретателей жилого помещения, Конституционный Суд России принял во внимание подготовительные материалы к соответствующему законопроекту (Постановление от 4 июня 2015 года № 13-П)⁶⁷. Как подчёркивается Конституционным Судом, «из пояснительной записки к проекту указанного Федерального закона и его финансово-экономического обоснования следует, что, вводя в правовое регулирование норму, предусматривающую разовую компенсацию за счёт казны Российской Федерации, законодатель преследовал цель возмещения собственнику (добросовестному приобретателю) потерь, вызванных утратой права собственности на жилое помещение, независимо от вины государства, то есть тогда, когда право собственности было утрачено им не по вине работников регистрирующего органа, а в результате действий третьих лиц. По мнению субъекта права законодательной инициативы, отсутствие эффективно действующего механизма компенсации ущерба в таких случаях является серьёзным фактором риска на рынке недвижимости, а возможность с незначительными финансовыми затратами улучшить ситуацию стала бы существенным стимулом для привлечения инвестиций в этот сектор экономики»⁶⁸. Такой подход фактически сводит историческое толкование конституционных прав к выяснению субъективных намерений авторов конкретного законопроекта. Даже изначальный замысел субъектов права законодательной инициативы часто модифицируется в ходе обсуждения проекта в парламенте. Законодатель в процессе принятия правовых актов не всегда может предвидеть все последствия реализации конституционных прав на практике.

⁶⁴ СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 1207.

⁶⁵ См.: *Муранов А. И.* Принципиальная допустимость адвокатской монополии в свете актов Конституционного Суда и Конституции РФ // Закон. 2009. № 4. С. 53–71.

⁶⁶ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594; 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 43.

⁶⁷ СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3548.

⁶⁸ Та же.

Анализ подготовительных материалов к законопроектам позволяет выявить мотивы и аргументы, обосновывающие установление органами представительной власти ограничений конституционных прав. Так, несмотря на наличие выданных разрешений на проведение лотерей, федеральный законодатель с 1 июля 2014 года лишил юридические лица права на осуществление деятельности в виде организации лотерей, сохранив такое право лишь за Российской Федерацией⁶⁹. Историческую интерпретацию причин таких ограничений находим в Определении Конституционного Суда РФ от 18 сентября 2014 года № 2098-О: «Проводимая в настоящее время федеральным законодателем социально-экономическая политика направлена на ужесточение требований к осуществлению таких видов деятельности, которые способны оказывать серьёзное негативное влияние на сферу нравственности, права и законные интересы граждан, а в ряде случаев — наносить непоправимый вред жизни и здоровью, особенно детей. К таким видам деятельности относится и игорный бизнес. Согласно пояснительной записке... законопроект разрабатывался в целях исключения возможности проведения азартных игр под видом лотерей»⁷⁰. Отсюда можно сделать вывод о том, что подготовительные материалы могут служить важным источником аргументации для сторон судопроизводства в делах по защите конституционных прав.

Необходимость обращения к историческому толкованию в практике Конституционного Суда в первые периоды его становления была связана с оценкой продолжавшего действовать советского законодательства, которое нередко вступало в противоречие с новым пониманием конституционных прав. Так, в Постановлении от 16 января 1996 года № 1-П⁷¹ проверялась конституционность норм о наследовании имущества колхозного двора, которое предположительно посягало на конституционное право собственности (статья 35).

Для уяснения значения пришедшего из советской эпохи института колхозного двора в новых исторических условиях Конституционный Суд РФ дал краткую справку об эволюции законодательства в этой сфере. В том числе было подчёркнуто, что «начавшиеся в середине 1980-х годов преобразования в социально-экономической жизни страны повлекли изменения в правовом статусе колхозного двора. В Примерном уставе колхоза, принятом 25 марта 1988 года IV Всесоюзным съездом колхозников, понятие “колхозный двор” уже отсутствовало. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле, введённые в действие 15 марта 1990 года, также не предусматривали специальный институт колхозного двора. С момента введения их в действие институт колхозного двора, связанный с предоставлением земли колхозом, утратил в земельном законодательстве правовую основу... Статья 560 ГК РСФСР, хотя формально и не была признана утратившей силу, не подлежит применению, поскольку законодательству, принятому после вступления в силу действующей Конституции Российской Федерации, правовой режим колхозного двора неизвестен. Однако, как показывает практика, положения статьи продолжают применяться, что затрагивает охраняемое государством конституционное право наследования»⁷². По сути, выявляя несоответствие между исторически сложившимися в советском законодательстве правовыми институтами и новым пониманием содержания многих конституционных прав, Конституционный Суд способствовал преодолению переходного периода в развитии российского правопорядка.

Разработка главы второй Конституции РФ происходила в условиях перехода от прежней политической системы к новой. Поэтому стороны конституционного судебного разбирательства могут приводить «транзитный аргумент», то есть ссылаться на временный характер действия оспариваемых норм, которые затрагивают конституционные права. Конституционный Суд РФ не всегда оценивал подобную аргументацию со стороны законодателя в качестве убедительной, когда приходил к выводу об окончании переходного периода в определённой сфере общественной жизни. В

⁶⁹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 416-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О лотереях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6981.

⁷⁰ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 1.

⁷¹ СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 408.

⁷² Там же.

Постановлении от 14 марта 2002 года № 6-П рассматривался новый уголовно-процессуальный закон, который фактически сохранил прежний порядок санкционирования ареста (содержания под стражей) прокурором, а не судом, как это предусмотрено частью 2 статьи 22 Конституции РФ. Указывая на прошедший к тому моменту после принятия Конституции значительный срок, Конституционный Суд подчеркнул, что постольку «меняется конституционное значение переходных положений, содержащихся в Конституции Российской Федерации, поскольку временные нормы фактически становятся постоянно действующими и в таком качестве нарушают... право, гарантированное статьёй 22»⁷³.

Интересным примером исторического толкования конституционного права на объединение служит Постановление от 1 февраля 2005 года № 1-П, в котором оценивалась конституционность запрета региональных политических партий. Конституционный Суд пришёл к выводу о том, что при условии допустимости создания региональные политические партии «неизбежно ориентировались бы на преимущественное отстаивание прав соответствующих национальных (этнических) и религиозных групп, что на современном этапе исторического развития искажало бы процесс формирования и выражения политической воли многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»⁷⁴. Данный пример исторического толкования впоследствии получил оценку в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 12 апреля 2011 года по делу *Республиканская партия России против Российской Федерации* (жалоба № 12976/07)⁷⁵. В целом Европейский Суд по правам человека не только принял во внимание «особую историко-политическую ситуацию, характеризующую нестабильностью вновь созданной политической системы», но и не исключил, что «непосредственно после распада Советского Союза запрет на создание региональных политических партий мог быть оправдан» (параграф 127). В то же время был признан су-

щественным тот факт, что запрет на создание региональных партий «был введён не в 1991, а в 2001 году, спустя примерно 10 лет после начала демократического развития России. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает намного менее убедительным довод о том, что данная мера была необходима для защиты слабых демократических институтов России, её единства и национальной безопасности» (параграф 128). С точки зрения юридической аргументации, довод, связанный с переходным характером отечественной партийной системы, оказался несостоятельным в связи с отсутствием объяснений со стороны российских властей об исторических причинах ограничения права на объединение в политические партии.

3.2.2. Эволюционное толкование

Наряду с оригинализмом часто используется эволюционное толкование конституционных прав. Идея такого подхода была выражена уже римскими юристами в сентенции: «одно время следует отличать от другого; различай время и примиришь законы» (*distinguenda sunt tempora; distingue tempora, et concordabis leges*)⁷⁶. Современному органу конституционного правосудия часто требуется учесть последующую практику применения изначального смысла норм, закрепляющих конституционные права. Сама необходимость эволюционного толкования в конституционной судебной практике объясняется следующим образом: «...правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции Российской Федерации применительно к проверявшемуся нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учётом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования» (Постановление от 21 декабря 2005 года № 13-П)⁷⁷.

⁷³ СЗ РФ. 2002. № 12. Ст. 1178.

⁷⁴ СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

⁷⁵ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 12. С. 9, 121–152.

⁷⁶ См.: Латинская юридическая фразеология. С. 63.

⁷⁷ СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

Изменение первоначального понимания конституционных прав часто обусловлено объективными причинами (научно-технический прогресс, изменение господствующего общественного мнения, появление новых угроз или вызовов и др.). Многим обстоятельствам конституционный законодатель просто не придавал должного значения. Могли ли разработчики конституционного текста прогнозировать стремительное развитие информационных технологий и предполагать необходимость решения вопроса об электронном опубликовании нормативных правовых актов в сети Интернет, а не в привычной к моменту принятия действующей Конституции РФ в 1993 году печатной форме? Решая такой вопрос, Конституционный Суд России в Постановлении от 27 марта 2012 года № 8-П не стал проводить экскурс в историю развития Интернета в России, но в целом положительно оценил технический прогресс в рассматриваемой сфере. По мнению Суда, «включение в перечень официальных изданий соответствующего интернет-портала, обусловленное объективным изменением структуры информационного пространства в современных условиях, позволяет осуществлять функцию всеобщего оповещения о принятии тех или иных нормативных правовых актов и ознакомления с ними в целях их обнародования... с использованием новых информационных технологий»⁷⁸. Одновременно Конституционный Суд занял уместную в данном случае консервативную позицию относительно необходимости сохранения привычных для многих россиян печатных изданий, в которых обнародуются правовые акты, затрагивающие их конституционные права. Суд посчитал, что размещение соответствующего документа на официальном интернет-сайте хотя и направлено на информирование заинтересованных лиц, но не заменяет традиционного опубликования его текста в печатном издании.

Использование Конституционным Судом исторического толкования конституционных прав способствует не только позитивным преобразованиям правовой системы. Так, судья А. Л. Кононов критически отнёсся к использованию исторического толкования в упомянутом ранее Постановлении от 21 декабря

2005 года № 13-П. В своём особом мнении он подчеркнул, что «...Конституционный Суд в весьма туманных эвфемизмах намекает на некие “конкретные социально-правовые условия”, на “развивающийся социально-исторический контекст”, на полноту суверенитета законодателя, который “на каждом конкретном этапе развития полномочен корректировать организационно-правовой механизм достижения конституционных целей”. Однако далее следует совершенно невообразимый вывод о том, что изменение законодательного регулирования способно, оказывается, изменять смысл тех или иных конституционных норм и даже их букву и дух. Аргументация Конституционного Суда, если это можно назвать так, полностью меняет общепринятые представления о верховенстве Конституции... которые свободно могут меняться “в духе времени”... Так, Конституционный Суд, признавая правомочие гражданина избирать и быть избранным посредством прямых выборов на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, утверждает, что исключение этого правомочия федеральным законодателем не может рассматриваться как нарушение статей 32 и 55 Конституции Российской Федерации. Но часть 2 её статьи 55 содержит прямой запрет законодателю издавать законы, отменяющие и умаляющие права и свободы человека и гражданина»⁷⁹. Соответственно, обращение к эволюционному толкованию не только позволяет адаптировать конституционный текст к изменившимся социально-экономическим и историческим условиям, но и сопряжено с рисками снижения уровня защиты конкретных конституционных прав.

Фабула. Историческое толкование на примере фактов Фабулы может потребовать выяснения конкретно-исторической и политической обстановки принятия оспариваемого Закона 1991 года. Можно предположить, что законодательство бывшего социалистического государства было разработано в условиях борьбы с враждебным капиталистическим окружением и господством партийных органов, что и нашло выражение в запрете трудовой деятельности в СМИ для иностранцев. Отсутствие прежних

⁷⁸ СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

⁷⁹ СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

историко-политических условий принятия Закона 1991 года потребует использования эволюционного толкования норм этого акта.

Кроме того, нужно уточнить, насколько факт налаживания мирных отношений между бывшими враждующими странами может обуславливать необходимость пересмотра устаревших норм, представляющих собой в новых условиях ущемление конституционной свободы труда иностранного гражданина А. Эволюционное толкование позволяет обратить внимание на факты Фабулы о владении муниципалитетом определённым пакетом акций ПАО «Банктел». Ведь буквальное толкование нормы Закона 1991 года касается запрета только государственных, а не муниципальных организаций. Появление в современной России феномена местного самоуправления, не входящего в систему органов государственной власти, может привести к выводу о нерелевантности ссылки на Закон 1991 года в новых исторических условиях.

На этом фоне можно обратиться к анализу использования органами конституционного правосудия толкования конституционных прав в системе действующего правового регулирования, в том числе интерпретации, согласованной с отраслевым законодательством и источниками международного права.

3.3. Системное толкование конституционных прав

Системное толкование конституционных прав отражает правила формальной логики о соотношении общего и частного. Именно такой смысл имеет латинская максима, согласно которой «никто не может правильно понимать часть, пока не прочтёт целое» (*nemo aliquam partem recte intelligere potest antequam totum perlegit*)⁸⁰. Более конкретный смысл данного способа толкования выражается в другом «крылатом» латинском выражении: «согласовывать один закон с другим есть лучший метод их толкования» (*concordare leges legibus est optimus interpretandi mides*)⁸¹. Общая характеристика рассматриваемого мето-

да толкования содержится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 марта 2008 года № 5-П, в котором систематическое толкование связывается «с учётом иерархического построения норм в правовой системе, предполагающего, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня, к числу которых относятся нормы, закрепляющие конституционные принципы, и с учётом общих целей принятия соответствующего закона»⁸². Соответственно, с одной стороны, системное толкование предполагает установление соотношения конституционных прав с иными принципами и нормами Конституции РФ (*внутреннее системное толкование*). С другой стороны, толкование конституционных прав может потребовать своего согласования с положениями иных источников права, включая возможный конфликт с отраслевыми субъективными правами и международно признанными (общепризнанными) правами (*внешнее системное толкование*).

3.3.1. Внутреннее системное толкование

Значимость внутреннего системного толкования можно продемонстрировать на примере концепции так называемых абсолютных конституционных прав. Её нормативной основой служит часть 3 статьи 56 Конституции РФ, согласно которой «не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46-54 Конституции Российской Федерации». Это предписание в российской юриспруденции очень часто интерпретируется в качестве перечня конституционных прав, не подлежащих никаким ограничениям⁸³.

Вырванная из контекста данная конституционная норма, казалось бы, означает, что не подлежит никаким ограничениям ряд конституционных прав, в том числе право на жизнь (статья 20); достоинство личности (статья 21); неприкосновенность частной жизни (часть 1

⁸⁰ См.: Латинская юридическая фразеология. С. 169.

⁸¹ Там же. С. 38.

⁸² СЗ РФ. 2008. № 12. Ст. 1183. Аналогичная характеристика содержится в Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кононова (Постановление Конституционного Суда от 10 апреля 2003 года № 5-П // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656).

⁸³ См.: Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. 2004. № 1. С. 164–173, 167.

статьи 23), свобода информации (статья 24); свобода совести (статья 28); свобода экономической деятельности (часть 1 статья 34); право на жилище (часть 1 статья 40) и гарантии судебной защиты (статьи 46–54). Под влиянием ошибочного доктринального толкования оказался и Конституционный Суд РФ. Например, в Постановлении от 29 апреля 1998 года № 13-П констатируется, что «право на судебную защиту, по смыслу статей 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не подлежит ограничению, поскольку ограничение этого права ни при каких обстоятельствах не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией Российской Федерации целей»⁸⁴. В действительности сферой применения статьи 56 Конституции выступает чрезвычайное положение, что подтверждают части 1 и 2 данной статьи. Отсутствие в части 3 статьи 56 указания на чрезвычайное положение можно считать упущением конституционного законодателя, которое и может устранить Конституционный Суд с помощью системного толкования. Следовательно, правильной будет интерпретация закреплённых в части 3 статьи 56 Конституции основных прав как тех, которые не могут быть ограничены при введении режима чрезвычайного положения. За рамками такого режима подобные ограничения допустимы. Вместе с тем предложенное толкование само по себе не отрицает выделение перечисленных в части 3 статьи 56 Конституции прав в особую группу по признаку их повышенной защищённости.

3.3.2. Внешнее системное толкование

Примером внешнего системного толкования является практика уточнения Конституционным Судом РФ нормативного содержания отраслевых субъективных прав. В зарубежном конституционализме согласование смысла конституционных предписаний со смыслом отраслевых норм получило наименование «конституционно-конформного» (от нем. — *Verfassungskonforme*)⁸⁵ или «согласующего-

ся» (от англ. — *consistent*) толкования⁸⁶. Первый термин был непосредственно использован судьёй Г. А. Гаджиевым в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда от 20 декабря 2011 года № 29-П. В этом деле оспаривалась конституционность норм воздушного законодательства, устанавливающего льготный тариф на авиабилеты для несовершеннолетних. Судья Конституционного Суда полагал, что «оспоренная норма находится в общем контексте как норм гражданского законодательства, так и конституционных норм. Это означает необходимость выявления подлинного смысла нормы отраслевого законодательства при кажущемся противоречии с нормами различных уровней формальной иерархии. Целью конституционно-конформного толкования в таком случае становится недопущение коллизий между конституционными нормами и нормами отраслевого (гражданского) законодательства»⁸⁷. По сути, конституционно-конформное толкование сводится к выявлению конституционного смысла отраслевого законодательства и вытекающих из него субъективных прав. Этот приём позволяет Конституционному Суду РФ избегать признания норм неконституционными, обеспечивая гармоничное состояние российской правовой системы.

К согласующему толкованию также можно отнести случаи уточнения содержания конституционных прав с точки зрения их соответствия общепризнанным (международно признанным) правам. В связи с этим заслуживает внимания выработанный ещё в 1804 году Верховным судом США способ согласующего толкования международного и национального права, известный по названию фигурировавшего в деле судна как канон Очаровательной Бетси (англ. — *Charming Betsy Canon*): «Акт Конгресса никогда не должен толковаться так, чтобы нарушить международное право, если остаётся какой-либо иная возможная конструкция...» (*Alexander Murray vs. The Schooner Charming Betsy*)⁸⁸. Такой способ толкования получил

⁸⁴ СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2142.

⁸⁵ См.: Хесце К. Основы конституционного права ФРГ : пер. с нем. / под ред. Н. А. Сидорова. М. : Юрид. лит., 1981. С. 54–57.

⁸⁶ См.: *Betlem G. The Doctrine of Consistent Interpretation — Managing Legal Uncertainty // Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 22. 2002. No. 3. P. 397–418.

⁸⁷ СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 397.

⁸⁸ См.: *Murray Alexander vs. The Schooner Charming Betsy*. United States Reports / ed. by W. Cranch. 1804.

нормативное закрепление в статье 233 Конституции Южно-Африканской Республики от 8 мая 1996 года, согласно которой «каждый суд должен отдать предпочтение любому разумному толкованию законодательства, которое согласуется с международным правом, по сравнению с любым альтернативным толкованием, которое противоречит международному праву»⁸⁹.

Примером использования согласующегося толкования в практике Конституционного Суда России является упомянутое выше Постановление от 19 апреля 2016 года № 12-П, где решался вопрос о возможности исполнения Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (жалобы № 11157/04 и 15162/05)⁹⁰, основанного на положениях статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года⁹¹ в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с частью 3 статьи 32 Конституции РФ. Признав возможным исполнение указанного решения Европейского Суда по правам человека в соответствии с Конституцией РФ, отечественный орган конституционного правосудия фактически согласовал предписания Основного закона с международными договорными нормами об избирательных правах. Это выразилось в рекомендации федеральному законодателю «оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осуждённых, но не влекущие ограничения их избирательных прав». Использование со-

гласующегося толкования в данном деле позволило Конституционному Суду РФ частично снять конфликт между международным договором и Конституцией России, способствуя установлению баланса противоречащих друг другу публичных ценностей и конституционных прав.

Конституционный Суд РФ нередко одновременно с системным толкованием конституционных прав использует иные методы. Так, в Постановлении от 13 марта 2008 года № 5-П он подчёркивает, что неопределённость в понимании налогового законодательства может быть преодолена не только «путём систематического толкования», но «с учётом общих целей принятия соответствующего закона»⁹².

Фабула. В Фабуле системное толкование норм о выдворении иностранцев может потребовать согласования, с одной стороны, административного законодательства с предписаниями Основного закона о конституционном праве на неприкосновенность частной жизни, а с другой стороны, с практикой Европейского Суда по правам человека в этой сфере. В последнем случае практика истолкования международно-правовых норм привлекается для уяснения содержания конституционных прав. Так, в Постановлении от 8 июня 2006 года по делу «Лупса (Lupsa) против Румынии» (жалоба № 10337/04) подчёркивается, что «Конвенция не гарантирует по существу какое-либо право иностранца на въезд или проживание в конкретной стране. Тем не менее выдворение лица из страны, в которой проживают близкие члены его семьи, может считаться нарушением права на уважение семейной жизни»⁹³. Аналогичное мнение высказывает Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 24 марта 2005 года № 5 (в ред. от 19 декабря 2013 года) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в котором

Vol. 6. P.64. URL: <http://supreme.justia.com/cases/federal/us/6/64/> (дата обращения: 01.06.2016).

⁸⁹ См.: Constitution of the Republic of South Africa, adopted on 8 May 1996 (as amended by Competition Amendment Act, from 22 April 2016) // Веб-сайт электронного правительства Южной Африки (The South Africa Government Online website). URL: <http://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (дата обращения: 01.06.2016).

⁹⁰ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2. С. 11, 124–142.

⁹¹ См.: Официальный сайт Совета Европы. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

⁹² СЗ РФ. 2008. № 12. Ст. 1183.

⁹³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июня 2006 года по делу *Лупса (Lupsa) против Румынии* (жалоба № 10337/04) // СПС «КонсультантПлюс».

подчёркивается, что «выдворение лица из страны, в которой проживают члены его семьи, может нарушать право на уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Поэтому при назначении наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации судья должен исходить из действительной необходимости применения к иностранному гражданину или лицу без гражданства такой меры ответственности, а также из её соразмерности целям административного наказания, с тем чтобы обеспечить достижение справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках производства по делу об административном правонарушении» (пункт 23.1)⁹⁴.

3.4. Телеологическое толкование конституционных прав

В основу телеологического толкования положено выяснение целей правовых норм. Данный способ толкования конституционных прав может применяться, когда иные методы толкования не дали результата. В первую очередь этот метод устраняет недостатки текстуального толкования. Наряду с эволюционным толкованием внимание к целям государства в конституционном правосудии нередко ассоциируется с либеральным подходом к конституционным правам и противопоставляется консервативному их пониманию. Причём либеральное и консервативное начала здесь означают не столько принадлежность конкретного судьи к той или иной идеологии, сколько общий философский подход к пониманию нормативного текста. Именно о таком подходе свидетельствует латинская максима о том, что «законы должно толковать более свободно, чтобы не терялась из вида их цель» (*benignius leges interpretandaе sunt quò voluntas eàrum conseruetur*)⁹⁵.

В практике Конституционного Суда России взаимосвязь текстуального и телеологического толкования часто выражается в акцентировании различия буквы и духа Консти-

туции⁹⁶. При этом стремление Конституционного Суда выявить дух конституционных установлений при использовании телеологического толкования фактически позволяет обойти буквальный смысл и истинное намерение демократически избранного парламента в момент принятия закона. Как и в случае с эволюционным методом, телеологическое толкование ставит проблему легитимности органа конституционного правосудия, интерпретирующего нормы Основного закона о конституционных правах.

Указание на взаимосвязь телеологического толкования и других способов толкования содержится в особом мнении судьи Г. А. Гаджиева (Определение от 2 ноября 2006 года № 444-О). Подчёркивая необходимость применения методов толкования в совокупности, судья Конституционного Суда определяет телеологическое толкование как «уяснение смысла нормы в контексте целевых установок законодателя, когда правоприменитель учитывает не только исторически обусловленное намерение законодателя, но и цель, которую он ставил перед собой»⁹⁷. Отсюда телеологическое толкование конституционных прав предполагает анализ не столько намерений разработчиков самого Основного закона, сколько конкретизирующих это намерение целей законов и иных нормативных правовых актов. Причём орган конституционного правосудия наряду с оригинальным пониманием целевых установок в отношении нормативного содержания и вмешательства в конституционные права оценивает объективные цели законодателя.

Примером комбинированного применения телеологического и исторического толкования служит Определение от 15 февраля 2005 года № 17-О. В нём Конституционный Суд РФ пришёл к выводу о том, что «истори-

⁹⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6; 2014. № 2.

⁹⁵ См.: Латинская юридическая фразеология. С. 27.

⁹⁶ См.: Постановление от 21 апреля 1993 года № 8-П (особое мнение судьи Э. М. Аметистова) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 18. Ст. 653; Постановление от 24 июня 1997 года № 9-П (особое мнение судьи Н. В. Витрука) // СЗ РФ. 1997. № 26. Ст. 3145; Постановление от 27 апреля 1998 года № 12-П (особое мнение судьи Н. В. Витрука) // СЗ РФ. 1998. № 18. Ст. 2063; Постановление от 10 июня 1998 года № 17-П (особое мнение судьи Н. В. Витрука) // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3002; Определение от 27 декабря 2005 года № 503-О // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 945.

⁹⁷ СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 407.

ко-телеологический анализ законодательного регулирования пенсионных отношений свидетельствует о проявлении в федеральном законодательстве тенденции к отказу от использования при определении гарантированного государством объёма трудовой пенсии по старости параметров прожиточного минимума как в целом по Российской Федерации, так и в субъектах Российской Федерации»⁹⁸. В данном случае исторический анализ пенсионной реформы способствовал установлению целей законодательного регулирования данного конституционного права.

В отличие от выяснения целей текущего законодательства телеологическое толкование главы 2 Конституции России имеет более узкую сферу применения. Речь идёт о толковании и аргументации публичных целей, ради достижения которых вводятся ограничения конституционных прав. В зарубежной конституционной доктрине и практике межгосударственных органов по защите прав человека обычно говорят о тесте на легитимную цель (от англ. — *Legitimate Aim*⁹⁹; от нем. — *legitime Ziel*¹⁰⁰). Такой аспект телеологического толкования совпадает с одним из элементов конституционного принципа соразмерности, который в отечественной науке и практике Конституционного Суда РФ чаще всего обозначается через требование обоснованности. Его суть состоит в том, что вмешательства в конституционные права должны служить действительно важным публичным целям. Так, Конституционный Суд в Постановлении от 16 января 1996 года № 1-П подчёркивает, что конституционные права могут быть ограничены законодателем «при условии, что ограничения носят обоснованный и соразмерный характер»¹⁰¹.

В качестве примера признания законодательной цели в качестве необоснованной служит Постановление от 15 января 1998 года № 2-П. Здесь Конституционный Суд признал

противоречащим Основному закону положению законодательства, которые допускали выдачу заграничного паспорта только по месту жительства, а не по месту пребывания лица. По мнению Конституционного Суда, возложение обязанностей по выдаче заграничного паспорта на территориальные органы внутренних дел по месту жительства гражданина «обусловлено лишь целями рациональной организации деятельности соответствующих органов. Такой порядок... не согласуется и с указанными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целями, которые допускают определённые ограничения прав граждан федеральным законом»¹⁰². По сути, Конституционный Суд РФ не выявил целей, которые оправдывали бы введение подобных ограничений. Соответственно, исключительно ведомственные интересы не считаются достаточно важной целью для обоснования ограничения конституционных прав.

Данная разнovidность телеологического толкования конституционных прав на практике редко ведёт к признанию необоснованными каких-либо целей, которые представляют органы выбрали для оправдания вмешательства в конституционные права. По крайней мере с процедурной точки зрения, требование легитимной цели обуславливает не просто абстрактную ссылку сторон конституционного судопроизводства на перечисленные в части 3 статьи 55 Конституции РФ публичные цели, но и предельную детализацию публичных интересов применительно к конкретному делу.

Если же орган конституционного правосудия занимает более активный подход в оценке обоснованности целей законодателя, судьи способны проводить глубокий анализ таких целей и выявлять истинные намерения правотворческих органов. В американском конституционализме судебскую технику по выявлению скрытых или дискриминационных целей обозначают как «выкуривание» (от англ. — *Smoking Out*)¹⁰³. Такая форма телеологического толкования позволяет органам конституционного контроля бороться с сохраняющимися в правовом порядке стереотипами,

⁹⁸ СЗ РФ. 2005. № 16. Ст. 1479.

⁹⁹ См.: *Gordon R.* Legitimate Aim: A Dimly Lit Road // *European Human Rights Law Review*. Vol. 7. 2002. No. 4. P. 421–427.

¹⁰⁰ См.: *Engel Ch.* Das legitime Ziel als Element des Übermaßverbots. Gemeinwohl als Frage der Verfassungsdogmatik // *Gemeinwohl in Deutschland, Europa und der Welt* / W. Brugger, M. Kirste, M. Anderheiden (Hrsg.). Baden-Baden: Nomos, 2002. S. 103–172.

¹⁰¹ СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 408.

¹⁰² СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 531.

¹⁰³ См.: *Bhagwat A.* Purpose Scrutiny in Constitutional Analysis // *California Law Review*. Vol. 85. 1997. No. 2. P. 297–369.

предрассудками и случаями дискриминации. Например, Верховный суд США, используя концепцию «нелегитимных государственных интересов» (от англ. — *illegitimate government interest*), признавал нелегитимными намерения законодателя причинить вред коммунальщикам¹⁰⁴; неприязнь к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией¹⁰⁵; предрассудки в отношении психически больных лиц¹⁰⁶; стереотипы в отношении межрасовых браков¹⁰⁷. Такие подходы в практике органов конституционного правосудия требуют известного активизма судей, а также чреваты конфликтами с законодателем и иными судами, в чью юрисдикцию входят вопросы оценки соответствующих государственных целей.

Фабула. Специфику телеологического толкования можно показать на примере Фабулы. Прежде всего, орган конституционного правосудия должен уточнить цели, которые преследовал законодатель при формулировании запрета на журналистскую «профессию» для иностранцев. В данном деле такой запрет можно оценить в качестве дискриминационного в случае отсутствия важного общественного основания. Причём такая цель законодателя должна быть взвешена судом наряду с конституционно признаваемой целью защиты брака и семьи, включая фундаментальную ценность общения отца со своей гражданской женой и детьми.

4. Заключение

Таким образом, можно прийти к общим выводам. Во-первых, использование четырёх классических способов толкования конституционных прав органами конституционного правосудия и представителями сторон конституционного судопроизводства представляет собой элементарный уровень юридической методологии.

Во-вторых, в применении четырёх канон толкования должна соблюдаться последовательность, где грамматическое толкование выступает исходным методом уяснения смысла конституционных прав. Чаще всего на практике в качестве дополнительных методов используются системное и телеологическое толкование. Они позволяют устранять неизбежные дефекты Конституции РФ и развивающих её законов. С методической точки зрения, если какой-либо из способов толкования конституционных прав заведомо не даёт результатов, при решении задач его можно опустить. В связи со значительной широтой усмотрения в процессе толкования конституционных прав рассматриваемые методы можно считать некими рамками для судей. Следование им не позволяет органам конституционного правосудия выходить за пределы собственной компетенции, хотя и ставит проблему их легитимности. Использование канон толкования повышает предсказуемость судебной защиты конституционных прав и в то же время связано с рисками оправдания законодательных решений, снижающих уровень защиты прав.

В-третьих, анализ классических способов толкования выступает предпосылкой дальнейших исследований в этой сфере, в том числе отдельного анализа требуют междисциплинарное толкование, конституционное конформное толкование, компаративная интерпретация конституционного текста и т. д.

Библиографическое описание:
Должиков А. Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 125–151.

¹⁰⁴ См.: Decision of United States Supreme Court from June 25, 1973 *United States Department of Agriculture v. Moreno* // United States Supreme Court Reports. 1973. Vol. 413. P. 534–545. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/413/528/case.html> (дата обращения: 01.06.2016).

¹⁰⁵ См.: Decision of United States Supreme Court from May 20, 1996 *Romer v. Evans* // United States Supreme Court Reports. 1996. Vol. 517. P. 632–635. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/517/620/> (дата обращения: 01.06.2016).

¹⁰⁶ См.: Decision of United States Supreme Court from July 1, 1985 *City of Cleburne v. Cleburne Living Center* // United States Supreme Court Reports. 1985. Vol. 473. P. 448. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/473/432/case.html> (дата обращения: 01.06.2016).

¹⁰⁷ См.: Decision of United States Supreme Court from April 25, 1984 *Palmore v. Sidoti* // United States Supreme Court Reports. 1984. Vol. 466. P. 433. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/466/429/case.html> (дата обращения: 01.06.2016).

Interpretation of Constitutional Rights

Aleksei Dolzhikov

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Department of the State and Administrative Law, Faculty of Law at Saint Petersburg State University (e-mail: a.dolzhikov@spbu.ru).

Abstract

Constitutionally-enacted Human rights and freedoms of the Citizen (*hereafter* – constitutional rights) often require clarification of their scope and limitations. Being the prerogative of the Constitutional Court of the Russian Federation, the question of interpretation of constitutional rights unites many basic problems of modern constitutionalism. This paper has the methodological aim. It initially is addressed to those who teaches and studies the general courses on the constitutional law or elective disciplines connected with protection of constitutional rights in case-law of the Constitutional Court of the Russian Federation. Beside this paper could be interesting to the participant of constitutional adjudication. In the first part of the paper the general issues of the theory of judicial interpretation and their features concerning constitutional rights are analyzed. This part of the paper due to its theoretical origin could be skipped in case of educational use only. The second part of work is devoted to the analysis of classical methods of interpretation of constitutional rights. In this regard special attention is paid on of the case-law of Constitutional Court of the Russian Federation and some foreign bodies of the constitutional control which illustrates four “canons” of interpretation of constitutional rights.

Keywords

legal methodology; constitutional interpretation, constitutional rights; constitutional adjudication.

Citation

Dolzhikov A. (2016) Tolkovanie konstitutsionnykh prav [Interpretation of constitutional rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 125–151. (In Russian).

References

- Alexy R. (2003) On Balancing and Subsumption: A Structural Comparison. *Ratio Juris*, vol. 16, no. 4, pp. 433–449.
- Avak'yan S. A. (2007) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. In 2 vols. Vol. 1, Moscow: Yurist. (In Russian).
- Berlyavskiy L. G. (2013) Originalistskaya i nonoriginalistskaya kontseptsii konstitutsionnoj interpretatsii v SSHA [Originalist and nonoriginalist conception of the constitutional interpretation in the USA]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 8, pp. 101–108. (In Russian).
- Betlem G. (2002) The Doctrine of Consistent Interpretation – Managing Legal Uncertainty. *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 397–418.
- Bhagwat A. (1997) Purpose scrutiny in constitutional analysis. *California Law Review*, vol. 85, no. 2, pp. 297–369.
- Blocher J. (2009) Categoricalism and balancing in first and second amendment analysis. *New York University Law Review*, vol. 84, no. 2, pp. 375–439.
- Bochilo A. E. (2012) Sootnoshenie kategoriy “regulirovanie” i “zashchita” prav i svobod lichnosti v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub'ektov Rossiyskoy Federatsii (konceptual'nye osnovy) [Relationship of the categories “regulation” and “protection” of the rights and freedoms of the person in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the consti-

- tutional (charta) courts of subjects of the Russian Federation (conceptual bases)]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 34–41. (In Russian).
- Bydlinski F. (2006) Osnovnye polozheniya ucheniya o yuridicheskoy metode [Main points on the doctrine of the legal method]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 6, no. 1, pp. 190–241; vol. 6, no. 2, pp. 185–226. (In Russian).
- Bydlinski F. (2007) Osnovnye polozheniya ucheniya o yuridicheskoy metode [Main points on the doctrine of the legal method]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 7, pp. 240–271. (In Russian).
- Chemerinsky E. (2006) *Constitutional law: principles and policies*, 3rd ed., New York: Aspen Publishers.
- Cherdancev A. F. (2012) *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logical-linguistic phenomena in law], Moscow: Norma. (In Russian).
- Cross R. (1976) *Statutory interpretation*, London: Butterworths.
- Ebzeev B. S. (2013) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Human being, the people, the state in the constitutional system of the Russian Federation], 2nd ed., Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Edwards R. A. (2002) Judicial Deference under the Human Rights Act. *The Modern Law Review*, vol. 65, no. 6, pp. 859–882.
- Ely J. H. (1975) Flag Desecration: A Case Study in the Roles of Categorization and Balancing in First Amendment Analysis. *Harvard Law Review*, vol. 88, no. 7, pp. 1482–1508.
- Engel Ch. (2002) Das legitime Ziel als Element des Übermaßverbots. Gemeinwohl als Frage der Verfassungsdogmatik. In: Brugger W., Kirste S., Anderheiden M. (eds.) *Gemeinwohl in Deutschland, Europa und der Welt*, Baden-Baden: Nomos, pp. 103–172.
- Gasanov K. K., Stremouhov A. V. (2004) Absolyutnye prava cheloveka i ogranicheniya prav [Absolute human rights and restrictions of the rights]. *Pravovedenie*, no. 1, pp. 164–173. (In Russian).
- Goldobina Z. G. (2006) Aktivizm i originalizm v deyatel'nosti Verkhovnogo Suda i politiko-pravovoy doktrine SSHA [Activism and the originalism in activity of the Supreme Court and the political legal doctrine of the USA]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 3, pp. 81–88. (In Russian).
- Gordon R. (2002) Legitimate Aim: A Dimly Lit Road. *European Human Rights Law Review*, vol. 7, no. 4, pp. 421–427.
- Häberle P. (1989) Grundrechtsgeltung und Grundrechtsinterpretation im Verfassungsstaat: zugleich zur Rechtsvergleichung als «fünfter» Auslegungsmethode. *Juristenzeitung*, vol. 44, no. 20, pp. 913–919.
- Harris Ph. (2007) *An introduction to law*, 7th ed., Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Herdegen M. (2004) Verfassungsinterpretation als methodische Disziplin. *Juristenzeitung*, vol. 59, no. 18, pp. 873–879.
- Hesse K. (1981) *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [Fundamentals of the constitutional law of FRG], Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russian).
- Kochenov D. (2010) Regional Citizenships and EU law: The Case of the Aland Islands and New Caledonia. *European Law Review*, vol. 35, no. 3, pp. 307–324.
- Kommers D. P., Finn J. E., Jacobsohn G. J. (2010) *American constitutional law: essays, cases, and comparative notes*, 3rd ed., Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Kramer E. A. (2013) *Juristische Methodenlehre*, 4th ed., München: C. H. Beck.
- Krasnov M. (2016) Tolkovaniya Konstitutsii kak ee fakticheskie popravki [Constitutional Interpretation as its actual amendments]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 1, pp. 77–91. (In Russian).
- Kravez I. A. (2003) Konstitutsiya i germeneytika: Voprosy i teorii [Constitution and hermeneutics: Questions and theories]. *Pravovedenie*, no. 5, pp. 38–49. (In Russian).

- Malakhov V. S. (2010) Hermenevtika [Hermeneutic] in: Stepin V. S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, 2nd ed., Moscow: Mysl', vol. 1, pp. 512. (In Russian).
- Muranov A. I. (2009) Printsipial'naya dopustimost' advokatskoj monopolii v svete aktov Konstitutsionnogo Suda i Konstitutsii RF [The basic admissibility of lawyer monopoly in the light of acts of the Constitutional Court and the Constitution of the Russian Federation]. *Zakon*, no. 4, pp. 53–71. (In Russian).
- Murphy A. W. (1975) Old Maxims Never Die: The "Plain-Meaning Rule" and Statutory Interpretation in the "Modern" Federal Courts. *Columbia Law Review*, vol. 75, no. 7, pp. 1299–1317.
- Nelson C. (2003) Originalism and interpretive conventions. *The University of Chicago Law Review*, vol. 70, no. 2, pp. 519–598.
- Nikiforov B. S. (ed.) (1979) *Latinskaya yuridicheskaya frazeologiya* [Latin legal phraseology], Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russian).
- Ost F. (1992) The original canons of interpretation of the European Court of Human Rights. In: Delmas-Marty M. (ed.) *The European convention of human Rights: international protection versus national restrictions*, Dordrecht: M. Nijhoff Publishers, pp. 283–318.
- Petrushev V. A. (2009) Teoriya tolkovaniya prava kak sostavnaya chast' obshchej teorii prava [Theory of legal interpretation as component of the general theory of law]. *Lex Russica*, vol. LXVIII, no. 2, pp. 410–418. (In Russian).
- Reimer F. (2016) *Juristische Methodenlehre*. Baden-Baden: Nomos.
- Rüthers B. (2015) *Rechtstheorie: mit juristischer Methodenlehre*, 8th ed., München: C. H. Beck.
- Savin'i F. K., von (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of the modern Roman law]. Vol. I, Moscow: Statut. (In Russian).
- Scalia A. (1988) Originalism: The lesser evil. *University of Cincinnati Law Review*, vol. 57, no. 3, pp. 849–866.
- Scalia A. (1989) Judicial deference to administrative interpretations of law. *Duke Law Journal*, vol. 1989, no. 3, pp. 511–521.
- Schauer F. (2010) Balancing, Subsumption, and the Constraining Role of Legal Text. *Law and Ethics of Human Rights*, vol. 4, no. 1, pp. 34–45.
- Solum L. B. (2009) Legal Theory Lexicon: Interpretation and Construction. *Legal Theory Blog*, February 8. Available at: <http://lsolum.typepad.com/legaltheory/2009/02/legal-theory-lexicon-interpretation-and-construction.html> (accessed 01.06.2016).
- Solum L. B. (2010) The Interpretation-Construction Distinction. *Constitutional Commentary*, vol. 27, pp. 95–118.
- Stück H. (1998) Subsumtion und Abwägung. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, vol. 84, no. 3, pp. 405–419.
- Sullivan K. M. (1998) Post-liberal judging: the roles of categorization and balancing. *University of Colorado Law Review*, vol. 63, pp. 293–317.
- Taeva N. E. (2006) *Tolkovanie konstitutsionno-pravovykh norm v Rossijskoj Federatsii* [Interpretation of constitutional provisions in the Russian Federation], Moscow: TK Velbi; Prospekt. (In Russian).
- Taeva N. E. (2014) Nekotorye problemy vyavleniya konstitutsionno-pravovogo smysla norm Konstitutsionnym Sudom RF [Some problems of identification of constitutional sense of legal norms by the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 12, pp. 24–28. (In Russian).